

Александр Таракон

ПОСТИЖЕНИЕ ДРЕВА

Давненько я видался с этими обладающими именем собственным, легендарными и просто знаковыми крононосными величинами, а замысел вызрел только сейчас. Парки, рощи и леса могли бы подняться за прошедшее время. И наверняка выросли от их сильного семени. А сами «держатели неба» продолжают каждый свою вековечную миссию.

И есть нечто, что объединяет могучую плоть. Вот это я и попытался выяснить, растекаясь не мыслью (белкой), как вещей Боян, а мыслью по дереву, не плоды, а доблесть ища стержневую и правду корневую.

ДУБ – ПАТРИАРХ

Жизнь этого исполинского дуба дольше всей истории Руси. Еще не было упоминаний о русах, русичах или росах, а колосс уже возвышался над веками, пустив мощные корни в покатый холм урочища Холодный Яр, что раскинулось неподалеку от славного города Чигирина, который и гетманской ставкой побывал, и Киев подменял в ранге столицы.

Поиссох от времени тридцатиметровый великан, твердь коры броненосной истрескалась под ударами огненных молний, но в поредевшей кроне все еще трепещет подобно оселедцу казачьему буйная листва.

По одну от него сторону, в чаше яра, спит вечным сном седая старина. О ней напоминают величественные контуры скифского вала, насыпанного, – трудно представить, – в шестом веке до рождества Христова. Да то долгожителю невдомек. Он часовой новой эры. Как раз близ яра пролег ее столбовой – Черный Путь. По нему вместе с пестрыми половецкими, несметными татарскими ордами, хищными турецкими полчищами протекли в пелене тумана и сумраке безвременья эпохи.

Многим языкам и наречиям внимала дубрава. Настал черед и Речи Посполитой.

С нею и пошел сыр-бор по сырому бору. Шатровая сень гиганта стала для вольного, отчаянного люда заветной и притягательной. Под прикрытием надежного хранителя тайн сиживали со товарищи, готовя восстания, Северин Наливайко,

Павлюк, Богдан Хмельницкий, а затем вдохновитель колиивщины Максим Железняк, чим именем и назвали могучий дуб.

На исходе минувшего века патриарх лесов, было, занедужил. Точно по языческой традиции, уважили его требой (жертвоприношением), закопав у комеля несколько коровьих туш и тем самым подпитав корневую систему.

Оправился древний рыцарь, воспрял, снова сочной листвой осветился, будто и нет позади длинной вереницы столетий. Оберег славянского мира, взирает он на суетную жизнь с господствующей высоты, радуясь продолжению рода богатырского в кряжистых пятисотлетних сыновьях и вихрастых трехвековых внуках. Разверзли они по склонам разлапистые ветви, местами почти в обнимку стоят, гору подпирая и видом своим неодолимым человеческий дух крепя.

Здесь вольнолюбивый Кобзарь искал вдохновения и благословения, замахнувшись на былинного склада, пронзительную и напевную поэму «Гайдамаки». Конечно, именно дубу Максима Железняка задает он лирический вопрос с философским подтекстом: «Ой, чога ти, дубе, на яр похилився?»

Что ж, и теперь есть о чем призадуматься мудрому древу. Но сникшим, хоть чуточку согбенным даже в 2004 году я его не воспринял. Напротив, он мне напомнил сказочного собрата, цветущего литературной славой у загадочного лукоморья.

И любопытное сообщение пусть не о дубе-земляке, но взрастившей его почве, а я ведь по месту рождения чигиринец, показалось правдоподобным: «Шаг за шагом искали краеведы притоки Днепра и выяснили, что заливы рек Ирдынь и Тясмин являют собой его пересохшее русло, бывшее судоходным тысячу лет назад. Между двумя рукавами реки и находился 130-километровый остров Русь. Вот почему здесь находят фрагменты кораблей и морских моллюсков».

...Шелест листьев в поднебесье словно вторит поэту: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». А если был остров, наверняка и лукоморье имелось. Уж не эти ли места в преломлении во времени узрело гениальное творческое воображение? Не этот ли дуб-основоположник послужил прототипом волшебного вместилища легенд и чудес? Уж ему-то действительно есть что вспомнить и о чем поведать, кого и чего только не перевидел!

Держись же, старче, не хворай. Оставайся для нас примером. Постоянства и прочности. Стойкости и несокрушимости. Служи вечности, добрая сила, властно ратуй со смертью самой!

БОЖЕСТВЕННЫЕ ОЛИВЫ

Тучные, нескладные, в растопыренных обрубках ветвей – корягообразные, корой – заскорузлые, удушающе перевитые ствольными жилами, у основания – бутылочно слоновые, эти жрицы вечности продолжают плодоносить. Их 8, порожденных тысячелетней матерью тысячелетних оливок, а перевернутая «восьмерка» напоминает символ бесконечности.

...От архитектурных шедевров Масличной горы, повторяя тернистый путь Сына Божия и Человеческого, спустился я однажды в библейский и при том совершенно реальный Гефсиманский сад и обомлел от столь архаичного вида священных стариц. Это позже в открытых источниках нашел уточняющую ин-

формацию: «В результате радиоуглеродного анализа старейших частей стволов трех деревьев были получены даты – 1092, 1166 и 1198 годы. Тесты ДНК показывают, что все они высажены от одного родительского растения, тоже весьма преклонного возраста». Суммировать – как раз вся новая эра «вместится». Стало быть, старшая часть древесной плоти – свидетельница страстей Христовых, его фатального шествия заповедальной стезей.

Провинциалки империи, плебейки флоры, оливы служили масличному жернову. В пещере неподалеку от сада действовало нехитрое производство. Нехитрое, да государственной важности. Выжимка из малых, но энергоемких плодов цивилизации питала.

Не оттого ли обыкновенным маслинам была уготована особая роль богомучениц-первострадалиц? Легенда гласит: после того как Иисус Христос был распят, все деревья земли, кроме них, сбросили листья. Когда же их опустошенные горем братья и сестры спросили, отчего так, старшая маслина ответила: «Вы обронили свои листья в знак скорби, но следующей весной они вырастут вновь, я же была поражена печалью в самое сердце, и она не уйдет никогда». Якобы поэтому оливковые деревья всегда иссыхают изнутри.

Или же потому, что были к Нему ближе всех в час роковой и вобрали в себя Его горечь и боль?

Но с тех пор утекли реки времени, эпохи промелькнули, цивилизации сменились. Что же до сих они скорбят и морщятся, будто черные вдовы? Уж не грех ли какой за собой помнят?

А может быть, не за собой конкретно, а за всем родом масличным?

Если призадуматься, многие к казни провозвестника нового мира причастны. И люди. В том числе, казалось бы, самые преданные (увы, определение «преданный» несет два прямо противоположных смысла), апостол ведь, а не случайный прохожий продал Христа за цену раба, вероломным поцелуем отправив на крестные муки. И камни Голгофы, ранившие ступни. И деревья. Крест распятия, по преобладанию версий, сколотили из кедровых, кипарисовых и... оливковых досок. Откуда же они взялись, как не из Гефсиманского сада?

И круг замыкается. Бог терпел и нам велел. Посему участь живущих – страдать и каяться. Вот и магдалины солнечной Кедронской долины, многие эпохи пережив, инстинктивно тянутся к божьему свету, а покоя все не обретут.

ПЕРВОЯБЛОНЯ: ВТОРОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Участок был с крутым уклоном. Оттого, должно быть, оставался невоображенным. Один вид вросших в землю валунов явно отпугивал потенциальных дачников. Ох, и потов же мы с братом и отцом пролили, их выкорчевывая!..

И чудом казалась выстоявшая под камнепадами на самом краешке надела старая сухая яблоня, самосеянец, не иначе. Ее мы намеревались спилить и высадить культуры новейших сортов из помологического сада. Но после того как освободим территорию от скальной породы.

Каково же было изумление, когда обреченная на растопку горюнья-горянка по весне пышно расцвела. Настал срок – и яблочек отведали. Несравненного по вкусу и аромату алмаатинского апорта. Конечно же, рука на такое сокровище не

поднялась, и осталась аборигенка полновластной хозяйкой год от года разраставшегося сада.

Не только вкус, фактура, запах – и энергетика в апорте великая! От самого древнего корня пошел, полмира покорил и на родину вернулся, дабы царственную славу обрести. Приглядитесь в ясный солнечный день к изумрудным кронам красавиц Алатау – и увидите в распахе ветвей рубины, какие в редких коронах сияют.

История в этом случае отдыхает. Как установила наука, яблонева линия начала складываться в меловой период, примерно 165 миллионов лет назад, задолго до динозавров и прочих ископаемых органического происхождения. И «точка пектина» как Николаем Вавиловым, так и современными учеными Казахстана, Франции, США, Италии, а также других apple grands определяется в Заилийском и Джунгарском Алатау, где доньше произрастает яблоня Сиверса (официально – *Malus Sieversii*), по всеобщему убеждению – прародительница всех существующих яблонь. То есть у нас, в Казахстане!

Иностранцы, известно, педанты. Приятный для нас вывод подтвержден генетическими исследованиями 2500 сортов повсеместно выращиваемых яблок.

И если предположить, что в Эдеме были яблони, то они, несомненно, происходили от семиреченского семени. Далее и фантазировать не надо: первоапорт и без ухищрений змия должен был источать и являть своим видом первородный соблазн. Достаточно прочесть высокохудожественное описание яблок Юрием Домбровским в «Хранителе древностей» («...лучистые, лакированные, как ярмарочные матрешки, расписанные мазками, пятнами, какими-то вихрями света и зелени»), чтобы их возжелать.

Однако логика библейского повествования указывает скорее всего на фигу, или инжир. Хотя бы потому, что Адам и Ева после грехопадения стали прикрывать срамные места именно фиговым листком – ближайшим подручным материалом.

Как бы то ни было, без искушения не обошлось, поскольку вдоль благоухающих яблоневых кущ пролегал Великий Шелковый путь. Многочисленные караваны запасались кисло-сладкими плодами и «засеивали» жизнестойкими косточками тысячеверстные маршруты, произвольно помогая дичке скрещиваться с местными подвидами и таким образом приобретать новые качества.

А вот уже время обозримое. Считается, что с XIV века началась эволюционная репатриация апорта на «родную почву». Со склонов Балкан любимец гурманов Европы через территории Бессарабии и Малороссии неспешно добрался до центральной части России, где задержался и даже был признан царь-яблоком – в честь победителя наполеоновской армии наречен апортом Александра.

Под этим названием и прибыл в 1865 году из Воронежской губернии в Верный – будущий град яблок.

И здесь дальний потомок яблони Сиверса на нее же и был привит. Сорт, по меткому выражению главного знатока апорта Магжана Исина, дал дьявольскую вспышку.

Дело мещан-переселенцев продолжили профессиональные селекционеры, и в начале XX века состоялось триумфальное шествие алма-атинского яблока по всемирным выставкам

Был спрос – был и рост. К 1970 году количество деревьев апорта достигло в республике трех миллионов (!).

...А в конце того же переменчивого столетия на яблоневые долины обрушился слепой и беспощадный коттеджный бум. Теснимый со всех сторон, апорт резко пошел на убыль.

От этого очень страдаем, недополучая ценного витаминного продукта. А то, что втридорога импортируем под брендом апорта, лишь отдаленно напоминает шедевральное творение природы и разума.

Радуемся в последние годы, что взыскательные эксперты проявляют пристальный интерес к *Malus Sieversii*, отмечая выдающиеся конкурентные преимущества «дикарки». Например, цепкие длинные корни, позволяющие древесному уникаму существовать при амплитуде температур от плюс до минус сорока градусов и без особого ущерба переносить засуху и стужу. Способность противостоять болезням и вредителям. И «черепаший век»: триста лет для основоположницы и улучшательницы сортов – норма продолжительности жизни.

Только не стоит обольщаться. Зарубежные партнеры прежде всего нацелены не наш апорт возродить, а свои сорта обновить и усилить. Ни для кого не секрет: мировая яблочная индустрия испытывает кризис, связанный с повышенной восприимчивостью современных сортов ко всевозможным порчам и напастям. Иммунодефицит компенсируется многократными (до 20 и более в течение года) химическими обработками, что негативно сказывается на здоровье потребителей.

Потому пережившая динозавров яблоня Сиверса многим представляется универсальным «растительно-строительным» материалом. Но метод изъятия из ареала здесь явно не подходит. И без того уже многие фруктовые леса предгорий превратились в куртины. А не останется их – и садам когда-то не зацвести.

...Между тем, настала пора второго возвращения апорта.

ХАНСКИЙ ПЛАТАН

Платаны мне запомнились колоннадным строем вдоль причерноморской трассы. Инстинктивно отметил их гигантизм и идеальную «перпендикулярность». Вот такие были первоначальные впечатления.

Но, оказывается, не все большое видится на расстоянии вопреки поэтической формуле. А вот когда побывал в Азербайджане, где, кстати, автор крылатого выражения плодотворно потрудились, воспевав красоту «персиянок» и подвиг бакинских комиссаров, я к этой горделивой древесной породе проникся искренним уважением.

Не за рост и стать. За достоинство и величие. Величие родовитое. Недаром один из платанов, по-здешнему – чинаров, прозван ханским.

Но, право, не просто его лицезреть. Надо еще расстояния, перевалы и серпантинны предгорий Большого Кавказа преодолеть и достичь пределов исторического, как подчеркивают путеводители, города Шеки.

Возраст овьянного легендами «гнезда барсов» и центра ремесленничества определяется в пределах 2500–2600 лет. За это время шекинцы арабский, монгольский, иранский, турецкий гнет испытали. Но не мирились с рабской долей и

давали захватчикам решительный отпор, возвращая свободу. Например, в союзе с албанцами разгромили кровавого Помпея.

А с 1744 года, с утверждением на территории современного Азербайджана первого независимого государственного образования – Шекинского ханства, границы этой земли уже никем не нарушались. Здесь процветали ювелирное и медное дело, гончарное, кожевенное производство, шелководство и ковроткачество. А текинская халва и шебеке прославили ханство на весь Восток.

В общем, заслуг перед Отечеством и народами-побратимами накопилось немало, и глобальная организация ТЮРКСОЙ объявила Шеки столицей тюркского мира на 2016 год.

Тогда и посчастливилось в дни торжеств посетить праздничный город. Побродил по ущельям-улицам, знаменитой халвы отведал, ремесленные ряды обошел, до караван-сараев поднялся. Жаль, не в один из них нас поселили – продолжает исправно выполнять торгово-гостиничные функции.

Особенно же долго задержался во дворце текинских ханов. Он так прекрасен, что не нахожу слов для описания. И стены, украшенные национальным орнаментом, и сталактитовые переходы к потолочным плафонам, и сами плафоны. А ажурные окна, выложенные прозрачными и красочными пластинками шебеке, просто великолепны. Представляете, каждый квадратный метр вмещает пять тысяч деталей, и эта конструкция исключает применение гвоздей или иных креплений!

Закрываю глаза и пытаюсь воскресить в сознании дивные творения интеллекта и рук мастеров.

Вот, вот, ты велик, человек, и держи выше голову! Именно в таком приподнятом настроении вышел я из ханского дворца и невольно вскинул взгляд на монументальное произведение природы – тридцатичетырехметровый Ханский чинар. Добрых пять столетий возвышается он своей кроной-коронай над руинами крепостей и цветущими садами, соединяя прошлое, современность и заглядывая в будущее. Пока незыблемый, времени неподвластный.

СИМВОЛ АЛИИ

Долгое время его считали спасителем, врачевателем. И строителем, а также мелиоратором. Потом пытались превратить в сырье. Теперь, разуверясь в приписываемых качествах, едва ли не к вредителям относят из-за обилия мусора, сыпящегося из области крон.

Его навязывали и во всех значениях слова насаждали. В итоге за обладателем целого ряда неподтвержденных достоинств, приписываемых ныне к недостаткам, закрепились определения типа «самое идеологическое» и «еврейское» дерево.

Конечно же, вы догадались: это эвкалипт. Эмигрант, ставший в Израиле полновластным хозяином, местами даже теснящий исконную флору и культивируемую растительность.

На земле обетованной видел эвкалиптовые рощи повыше мачтовых боров, защитные полосы грандиозней верненских линий пирамидальных тополей. И бессистемно торчащих ветвистых великанов тоже. У водоемов, возле жилья, на меже и посреди плантаций.

В одном из кибуцев к стволу приколотили баскетбольный щит, и получилась экономичная спортплощадка. И веревки для сушки белья между светлокорыми «столбами» протягивают, и провода. Так что развенчанному идолу даже к бытовым запросам пришлось приспособливаться. Что и говорить, переменчива злодейка судьба.

Но как бы то ни было, роль эвкалипта в истории Израиля и в особенности алии нельзя недооценивать. Ожидалось, что он станет ее оплотом и опорой. И верно дух переселенцев укрепил и уж во всяком случае стал надежным спутником нескольких волн миграции.

Трудно вообразить, но первые эвкалипты на новое место жительства и вообще на другой материк прибыли в почтовых... конвертах. Семенами. В 1862 году. Инициативу проявило руководство британских Королевских ботанических садов, давшее соответствующее поручение австралийскому филиалу.

Пока не ведаю и вряд ли узнаю, где находятся райские кущи, но добрую часть основательной древесной растительности искатели святынь пустили на яростный пламень походных костров.

В дальнейшем долины облысели, и было решено их облесить. Из дневников немцев-тамплиеров следует, что они сажали эвкалипты рядом со своими поселениями с целью осушения болот и развития на отвоеванных участках сельского хозяйства.

На это благое намерение наложилась скорбная «жатва» Первой алии (возвращения евреев на историческую родину), стартовавшей около 130 лет назад. Малярия косила несчастных скитальцев, вознамерившихся наконец-то обрести постоянный причал.

Источником смертоносной заразы был комар, роившийся в смрадных болотах, и «эвкалиптизация» территорий продолжилась нарастающими темпами. В экстазе самообмана обнадежившиеся пионеры Эрец-Исраэля стали было величать эвкалипт хинным деревом. Знаменитый миллиардер и известный филантроп барон Ротшильд в 1888 году профинансировал посадку в израильских местечках миллиона (!) деревьев.

...А в некоторых поселениях между 1930-м и 1940-м годами ни один ребенок, зараженный малярией, не дожил до двух лет.

И в том же XX веке, в 20-х годах, люди все же уяснили, что эвкалипты не способствуют осушению болот, поскольку корни их легко добираются до подземных вод, полностью игнорируя болезнетворную застойную жижицу. Выходит, не мелиоратор и не врачеватель. И сосед неважный. Как для жителя города, так и кибуца. Его мощные корни разрушают подземные инфраструктуры, трубы, например, и угнетают культурные посадки.

Пробовали, ввиду обилия древесной массы, в мебельной промышленности использовать, но и тут фиаско потерпели, больно ломкими и непрочными получались изделия.

И невдомек было людям, что не ради их практической выгоды и «не для мебели» перебрался он в Израиль из далекой Австралии и Африки, а для поддержания миссии алии. Это дерево настолько отождествляется с еврейским заселением, что уже давно стало его символом.

А главное достоинство новообретенного столпа нации, поразительно совпадающее с неодолимым духом еврейства, заключается в его неистребимости.

Истинная правда. И после спиливания дерево обновляется от пня. Всепожирающий огонь оставит эвкалипт без коры и листьев, а почки все равно проклюнутся и начнут работать на возрождение.

И еще один штрих. Несущественный. Этот «железобетонный» монстр – главный медонос Израиля.

КАШТАН-БУЛАВА

Скорбящие ивы
в безветрие так хороши,
Их грусть так тиха,
так понятна
и так несказанна.
В них что-то от многое снесшей
славянской души...
Но в бурю, невзгodu
люблю на Украине каштаны.

Когда налетит на зеленого витязя враг,
Траву расстелив
и хозяйски захлопав дверями,
Листва разбушуется,
как запорожский казак,
Плоды обожгут
и изранят порывы шипами.

Сменяются вихорь за вихрем,
подмогу зовут.
Быть может, наш предок,
далекий, для нас безымянный,
Увидев разящий орех,
изобрел булаву –
На гибель незваным,
для мстящей десницы Богдана.

Согбенная ива не станет прямою –
жива
Народная скорбь,
не тускнеет печальная память.
Но гордо стоит над веками
каштан-булава,
Всечасно готовый
помериться силой с врагами.

